

И. Е. Суриков

АРИСТИД «СПРАВЕДЛИВЫЙ»: ПОЛИТИК ВНЕ ГРУППИРОВОК*

Политическая жизнь раннеклассических Афин была довольно сложно структурирована. Главной реальностью эпохи молодой клисфеновской демократии являлся неустойчивый баланс противоборствующих группировок, возглавляемых видными представителями полисной элиты¹. Эти группировки складывались и распадались, то объединялись во временные альянсы, обусловленные конкретно-ситуативными целями², то, напротив, сталкивались друг с другом в жестком конфликте... Сказанное в особенной степени относится к первым трем десятилетиям V в. до н.э., которые стали временем резкого обострения внешнеполитической ситуации. Именно в эти годы проходили наиболее интенсивные кампании Греко-персидских войн; тогда же закладывались основы системы афино-спартанского

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект 03-06-80066).

¹ Общую характеристику данной политической ситуации см. Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 166–188; он же. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118–130. См. также работы других исследователей, в которых даются разнообразные варианты реконструкций афинской внутриполитической борьбы на интересующем нас хронологическом отрезке: Knight D.W. Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B.C. Wiesbaden, 1970. P. 13–32 (с исчерпывающей библиографией предыдущих работ); Ghinatti F. I gruppi politici ateniesi fino alle guerre persiane. R., 1970; Galli F. Aspetti della politica interna ed estera degli Alcmeonidi // Quaderni urbinati di cultura classica. 1971. 11. P. 65–76; Badian E. Archons and Strategoi // Antichthon. 1971. 5. P. 1–34; Martin J. Von Kleisthenes zu Ephialtes: Zur Entstehung der athenischen Demokratie // Chiron. 1974. 4. S. 5–42; Kinzl K.H. Athens: Between Tyranny and Democracy // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. B., 1977. P. 199–223; Karavites P. Realities and Appearances, 490–480 B.C. // Historia. 1977. 26. 2. S. 129–147; Kelly D.H. The Athenian Archonship 508/7–487/6 B.C. // Antichthon. 1978. 12. P. 1–17; Williams G.M.E. The Image of the Alcmeonidai between 490 B.C. and 487/6 B.C. // Historia. 1980. 29. 1. S. 106–110; idem. Athenian Politics 508/7–480 B.C.: A Reappraisal // Athenaeum. 1982. 60. 3/4. P. 521–544; Littman R.J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N.Y., 1990. P. 165–191; Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993 P. 27–42; Lotze D. Bürger und Unfreie im vorhellenischen Griechenland: Ausgewählte Aufsätze. Stuttgart, 2000. S. 195–205; Forsdyke S. Greek History c. 525–480 BC // Brill's Companion to Herodotus. Leiden, 2002. P. 521–549. Естественно, данный перечень отнюдь не претендует на полноту и лишь дает некоторое представление о количестве различных мнений по проблеме.

² О ситуативном характере внутриполитической борьбы в Афинах V в. до н.э. см. Prestel G. Die antidemokratische Strömung im Athen des 5. Jahrhunderts bis zum Tod des Perikles. Breslau, 1939. S. 1; Tarkiainen T. Die athenische Demokratie. Zürich–Stuttgart, 1966. S. 113; Ruschenbusch E. Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v. Chr.: Ideologie oder Pragmatismus? Bamberg, 1979. S. 130; Berthold R.M. The Athenian Embassies to Sardis and Cleomenes' Invasion of Attica // Historia. 2002. 51. 3. S. 265.

дуализма периода Пентеконтаэтии. В полисных условиях, как известно, перилетий межгосударственных отношений оказывали чрезвычайно значительное, подчас определяющее влияние на внутреннюю политику³.

На афинской политической арене рассматриваемого здесь хронологического отрезка действовало, наряду с другими лидерами, лицо, которое, как становится ясным уже едва ли не с первого взгляда, стояло несколько особняком, не вполне вписываясь в общую модель крайне сегментированной общественной жизни, но при этом пользовалось весьма большим авторитетом среди сограждан и принадлежало, бесспорно, к политикам самого высокого ранга. Речь идет об Аристиде, прозванном «Справедливым», который, как нам представляется и как мы попытаемся показать, занимал своеобразную позицию «вне группировок». Именно Аристиду посвящена данная статья. Обращение к проблемам его жизни и деятельности представляется тем более небесполезным и актуальным, что в предшествующей историографии ему, мягко говоря, «не повезло»: его личность явным образом не получила того освещения в исследовательской литературе, какого она заслуживает. В отличие, скажем, от Фемистокла или Перикла, которым посвящены десятки и сотни работ, Аристид, – а это, в сущности, фигура того же масштаба – оказался практически полностью в тени⁴. Возможно, он не привлекал серьезного внимания антиковедов по той причине, что его образ, запечатленный в источниках, казался слишком однозначным и прямолинейным, а потому малоинтересным. Несомненно, имело место также и гиперкритическое недоверие к традиции, иногда доходившее до прямого пренебрежения ее данными как недостоверными⁵.

В результате, пытаясь дать хотя бы краткий обзор историографии об интересующем нас политике, с сожалением приходится отметить, что говорить, в общем-то, практически не о чем. Об Аристиде нет монографий; почти не существует и специально посвященных ему статей. Нам известны лишь единичные работы, да и то очень частной тематики: в них речь идет об отдельных эпизодах его биографии, главным образом о его остракизме и досрочном возвращении⁶.

³ *McGregor M.F.* The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // *Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson*. Camb. (Mass.), 1940. P. 87; *Forrest W.G.* The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800-400 B.C. L., 1966. P. 204, 207; *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P. 123; *Littman*. Op. cit. P. 155 ff.

⁴ Характерно, что даже в сборнике биографий Г. Бенгтсона «Греческие государственные деятели V и IV вв. до н.э.» (*Bengtson H.* Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. München, 1983), отличающемся широким охватом материала, нет главы об Аристиде.

⁵ Весьма характерно своей категоричностью суждение такого авторитетного ученого, как Роберт фон Пельман: «Сохранившиеся в преданиях подробности партийной борьбы, в особенности все, связанное с именем “Справедливого” (Аристид) – большей частью вымышлены» (*Пельман Р. фон.* Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999. С. 152). Не очень понятно, откуда такая уверенность.

⁶ Например: *Raubitschek A.E.* Die Rückkehr des Aristides // *Historia*. 1959. 8. 1. S. 127–128; *Piccirilli L.* Aristide di Egina? Per l'interpretazione degli ostraka Agora inv. P. 9945 e P. 5978 // *ZPE*. 1983. 51. S. 169–176; *idem.* Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987 (эта книга – сборник статей Л. Пиччирилли; некоторые из них посвящены Аристиду); *Harvey F.D.* The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristides 13) // *Klio*. 1984. 66. 1. S. 58–73; *Brenne S.* Herodot 8, 79, 1 (ca. 448–424 v. Chr.): die Ostrakisierung des Aristides (482 v. Chr.) und seine Rückkehr am Vorabend der Schlacht von Salamis (480 v. Chr.) // *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 2002 (далее – OT). S. 193–204; *Papastamati-von Moock Chr.* [Demosthenes] 26, 6 (325/4 v. Chr.): der Aufenthalt des ostrakisierten Aristides auf Aigina bis zu seiner Wiederaufnahme durch die Athener (482–480 v. Chr.) // OT. S. 475–478.

Это в зарубежном антиковедении, а что касается отечественной, перед нашими глазами оказывается еще более скудная картина. Затрагивал некоторые проблемы, связанные с Аристидом, в частности его борьбу с Фемистоклом, В.М. Строецкий⁷ – и это, пожалуй, все.

Ввиду столь явно недостаточной освещенности фигуры Аристида в литературе нам придется строить дальнейшее изложение почти исключительно на данных источников. Именно к их характеристике мы теперь и переходим, но предварительно представляется необходимым подчеркнуть один немаловажный момент методологического характера. По нашему глубокому убеждению, корректной интерпретации сохранившихся свидетельств, приведению их во взаимную связь друг с другом и созданию на их основе целостной, непротиворечивой картины, вписанной в контекст эпохи, должен существенно помочь просопографический метод, который мы активно используем. По вопросу о «пользе и вреде» просопографии в отечественной исторической науке (не только антиковедческой) и по сей день идут запоздалые споры, высказываются полярно противоположные суждения – от однозначно позитивных⁸ до резко негативных⁹. Впрочем, как нам представляется, в реальной эмпирии научного поиска жизнь уже давно расставила все на свои места: в частности, просопографический подход к истории классических Афин оказался перспективным и плодотворным, позволил на протяжении последних нескольких десятилетий получить принципиально новые и интересные результаты¹⁰. «Закрывать» уже открытое вряд ли под силу даже решительным противникам соответствующих методов.

А теперь остановимся на важнейших из сообщений источников. Геродот, уделяя в «Истории» очень большое внимание Фемистоклу, о его противнике – Аристиде – говорит в нескольких местах очень кратко, буквально мимоходом. Рассказывая о событиях, предшествовавших Саламинскому морскому сражению, историк впервые упоминает об этом политическом деятеле (VIII. 79–81), сообщая, что последний был изгнан остракизмом, являлся злейшим врагом (ἐχθρὸν δὲ τὰ μάλιστα) Фемистокла, но перед лицом общей опасности примирился с ним, прибыв на Саламин с Эгины. Отмечается его участие во главе отряда гоплитов в битве с персами (VIII. 95), а в дальнейшем – его командование афинским контингентом в сражении при Платеях (IX. 28).

С событийной точки зрения – это все. Однако невозможно не заметить, что Геродот еще и дает оценку Аристиду. Причем оценку вполне однозначную, чуждую нюансов и полутонов. Вот его слова (VIII. 79): «Этого Аристида я считаю, судя по тому, что узнал о его характере, самым благородным и справедливым человеком в Афинах (ἀριστον ἄνδρα... ἐν Ἀθῆνῃσι καὶ δίκαιότατον)»¹¹. И

⁷ Строецкий В.М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 35–44.

⁸ «Важность просопографии как нового научного подхода к исследованию истории... в настоящее время не подвергается сомнению» (Цетрова М.С. Просопография как метод исторического исследования: Макробий Феодосий и Марциан Капелла // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005. С. 641).

⁹ См., например: Аксенов А.И. Генеалогия и просопография // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Ч. 2. М., 2005. С. 165 слл. В этой работе за просопографией фактически отрицается право на существование.

¹⁰ См. из работ такой направленности: Bicknell P.J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972; Littman. Op. cit.; Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. В целом по проблемам древнегреческой просолографии см. Fossey J.M. The Study of Ancient Greek Prosography. Chicago, 1991 (с хорошим справочным аппаратом).

¹¹ Геродот цитируется в переводе Г.А. Стратановского.

в другом месте (VIII. 95): «Афинянин же Аристид, сын Лисимаха, о котором я недавно упоминал как о человеке благороднейшем (ὡς ἀνδρὸς ἀρίστου)...». Иными словами, уже у такого раннего автора, как «отец истории», почти современника событий, мы находим вполне сформировавшийся образ Аристида – тот самый образ, который впоследствии не менялся на всем протяжении существования античной нарративной традиции, образ человека, являющегося живым воплощением благородства и справедливости. Для Геродота Аристид – даже не просто δίκαιος, а δίκαιοτάτος. Именно с эпитетом «Справедливый» этот политик прочно вошел в историю.

Впрочем, даже у писателя, еще более раннего, чем Геродот, мы встречаем аналогичное мнение об Аристиде. Лирический поэт первой половины V в. до н.э. Тимокреонт Родосский, который сам был свидетелем деятельности крупнейших полководцев и политиков первого периода Греко-персидских войн, так отзывался о них (Timocr., fr. 1 Page):

Можешь Павсания ты восхвалять и можешь хвалить Ксантиппа,
Славь Левтихида, пожалуй, а я одного вознесу Аристида,
Сына священных Афин,
Лучшего (λῶϊστον) мужа из всех мужей...¹²

С точки зрения формирования общепринятой репутации Аристида весьма показателен пассаж из «Горгия» Платона (526ab): «Ибо это трудно, Калликл, и потому особенно похвально – прожить всю жизнь справедливо (δικαίως διαβιῶναι), обладая полной свободой творить несправедливость. Таких людей немного, но они были и, я надеюсь, будут и впредь и здесь, и в иных краях – честные и достойные (καλοὶ καγαθοί) люди, чья добродетель в том, чтобы справедливо (δικαίως) вершить дело, которое им доверено; а один прославился больше остальных, и не только в Афинах, но повсюду среди греков – это Аристид, сын Лисимаха»¹³. Здесь многое привлекает внимание. Платон ставит Аристида на какую-то совсем уже недостижимую высоту, выделяя его даже среди тех немногих политиков, которых он признает справедливыми. Более того, Аристид выступает здесь образцом не только справедливости¹⁴, но и доблести или добродетели (ἀρετή) в целом, воплощенной в ключевом для античного греческого менталитета понятии калокагатии¹⁵. Подчеркивается также не только локально-афинское, но и панэллинское значение этого деятеля.

Естественно, касается различных сторон биографии Аристида и Аристотель в «Афинской политике»: ведь речь идет об одной из крупнейших фигур в политической истории Афин. В трактате кратко упоминается об остракизме Аристида

¹² Перевод С.И. Соболевского. О Тимокреонте и этом его стихотворении (направленном в основном против Фемистокла) см. *Mattingly H.B. Poets and Politicians in Fifth-Century Greece // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. B., 1977. P. 231 ff.; Robertson N. Timocreon and Themistocles // AJPh. 1980. 101. 1. P. 61–78; Stefanek P. Timokreon bei Plutarch, Them. 21, 5 (ca. 467 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles (470 v. Chr.) // OT. S. 171–173.*

¹³ Перевод С.П. Маркиша.

¹⁴ Справедливость (δικαιοσύνη) считалась в классической Греции лишь одной из четырех базовых добродетелей (ἀρεταί), наряду с мудростью (φρόνησις), мужеством (ἀνδρεία) и воздержностью (σωφροσύνη). См. по этому поводу: *North H.F. A Period of Opposition to Sôphrosynê in Greek Thought // Transactions of the American Philological Association. 1947. 78. P. 1 f.*

¹⁵ Фундаментальный анализ понятия калокагатии как выражения античного классического идеала, идеала полисного гражданства см. *Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 2. М., 1994. С. 386–439.*

(Ath. pol. 22. 7), о совместной деятельности Аристиды и Фемистокла (упор делается, в отличие от остальной традиции, именно на их совместную деятельность, а не на соперничество) и об организации Аристидом Делосского союза (Ath. pol. 23. 3–24. 3)¹⁶. В этом пассаже содержится следующая, ставшая ко времени Аристотеля уже стандартной, характеристика: «Аристид, по общему мнению, отличался еще между своими современниками справедливостью (δικαιοσύνη... δίκαιότης)»¹⁷. Тот же политик упоминается как простат демоса наряду с Фемистоклом (Ath. pol. 28. 2); указывается, что он «наметил» (ὕλεθειξεν) реформу Ареопага, которую впоследствии осуществил Эфиальт¹⁸ (Ath. pol. 41. 2).

Насколько эта подчеркнута позитивная оценка Аристиды была распространенной и устоявшейся уже к концу классической эпохи, может продемонстрировать хотя бы такой примерно одновременный с произведениями Аристотеля источник, как корпус речей Демосфена. Этот оратор говорит о справедливости Аристиды как о чем-то само собой разумеющемся и всем известном, в качестве парадигмы для слушателей. Вот один характерный отрывок (Demosth. XXIII. 209): «Аристид, стоя во главе такого дела, как распределение фороса, не приобрел ни одной драхмы сверх того, что имел до этого, а когда Аристид скончался, он был похоронен за государственный счет»¹⁹.

Наиболее своеобразной чертой в формировании нарративной традиции об Аристиде представляется нам именно то обстоятельство, что он входит в эту традицию как-то сразу с однозначно позитивной репутацией. Такого, пожалуй, нельзя сказать ни об одном другом политическом деятеле классических Афин. Обо всех остальных – будь то Фемистокл или Кимон, Никий или Алкивиад, Феррамен или тот же Демосфен – встречаем самые разноречивые мнения, от хвалебных до уничижительных. Даже личность и деятельность Перикла оценивались античными авторами отнюдь не только в благоприятном свете²⁰. Аристид здесь – яркое исключение. Он – только справедливый, честный, неподкупный, ни об одном его недостатке практически нигде и никогда не упоминается. И, наверное, это не случайно. В дальнейшем нам еще предстоит остановиться на причинах складывания именно такого образа Аристиды, на том, как, собственно, следует трактовать его постоянно подчеркиваемую «справедливость».

Дальнейшую историю традиции об интересующем нас государственном деятеле вряд ли имеет смысл излагать столь же подробно, перечисляя все свидетельства. Таковых, естественно, становится чем дальше, тем больше, но соответственно среди них возрастает и число заведомо вторичных, соответственно менее информативных, не привносящих чего-то принципиально нового в наши знания об Аристиде, а в основном повторяющих уже сложившиеся топосы²¹.

¹⁶ Этот последний факт упоминает уже Фукидид (V. 18. 5), цитируя текст Никиева мирного договора 421 г. до н.э.

¹⁷ «Афинская полития» цитируется в переводе С.И. Радцига.

¹⁸ Одну из возможных интерпретаций этого парадоксального свидетельства см. Суриков И.Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 34.

¹⁹ Перевод В.Г. Боруховича.

²⁰ См. последний по времени обзор формирования традиции о Перикле: Will W. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 245 ff.

²¹ Достаточным будет дать несколько подтверждающих этот тезис примеров: Aelian. Var. hist. IV. 16; X. 15; XI. 9; Philostr. Vita Apoll. VI. 21; VII. 21; Diog. Laert. II. 26. Повсюду подчеркиваются справедливость Аристиды и его бедность. Все перечисленные произведения относятся к периоду Второй софистики, для которой вообще в высшей степени характерно постоянное применение стандартных топосов.

Необходимо подчеркнуть, что справедливость Аристида относилась к наиболее выигрышным из этих топосов за весь античный период. Отсюда – и востребованность этого героя, особенно в произведениях риторического жанра. Здесь уже можно скорее говорить о развитии мотива, начавшего жить собственной жизнью, нежели о появлении принципиально нового источникового материала. Бесспорно, развитие мотива тоже может стать интересным сюжетом для исследования, но в рамках данной работы нас все же в большей степени интересуют исторические реалии и факты. Поэтому мы специально остановимся только на тех текстах позднего времени, которые не просто упоминают Аристида в той или иной связи, а именно рассказывают о нем, иными словами, представляют собой его биографии.

Таких текстов два; один из них принадлежит Корнелию Непоту, а другой – Плутарху. Написанное Непотом жизнеописание Аристида – одно из самых коротких в его сборнике. В нем довольно конспективно излагаются основные события жизни «справедливого» политика (для римского писателя он, разумеется, не *díkaios*, а *iustus*): соперничество с Фемистоклом, ostrakism и сопутствовавшие ему обстоятельства, участие в битвах при Саламине и Платеях, ключевая роль при организации Афинского морского союза и установлении ставок форо-са. При общей оценке Аристида настойчиво отмечаются два момента: его выдающиеся личные качества – справедливость, беспристрастие, честность (*iustitia*, *aequitas*, *innocentia*) – и его бедность. Первая из этих характеристик является, как мы видели, самым ранним и устойчивым компонентом всей традиции об Аристиде; что же касается второй, то она, как мы попытаемся показать ниже, сложилась позже и не должна быть некритично воспринимается. Интересно, что в военных талантах Непот скорее склонен Аристиду отказывать (*Nep. Aristid. 2*).

О Плутархе, его многогранной литературной деятельности, сильных и слабых сторонах его биографий как источника, использовавшихся им подходов к анализу, подбору и изложению материала мы здесь ничего не будем говорить: об этом существует огромная исследовательская литература. Отметим лишь, что именно составленная Плутархом биография Аристида является главным источником сведений о жизни и деятельности интересующего нас здесь политика. К ней постоянно придется обращаться по ходу изложения (собственно, прежде всего именно на ее материале это изложение будет строиться), поскольку только в ней карьера Аристида описана целостно, связно и со значительной детализацией. Плутарх позволяет соединить и поставить в общий контекст разрозненные данные, встречающиеся у более ранних писателей (Геродота, Аристотеля и др.).

Завершая очерк источников, отметим, что необходимо привлекать не только данные нарративных текстов, но и материал иного характера, в частности эпиграфический. Речь идет прежде всего об ostraka – черепках, служивших «бюллетенями» для ostrakisma. Аристид, как и подобало ведущему политику его времени, на протяжении 480-х годов до н.э. несколько раз подвергался опасности ostrakisma и один раз (в 482 г. до н.э.) был действительно изгнан посредством этой процедуры. Не удивительно, что ostrakon, на которых написано его имя, найдено (на Агоре и Керамике) довольно много – более 120²²; это, разумеется, лишь малая доля тех голосов против Аристида, которые подавались его согражданами, но тем не менее даже имеющаяся цифра впечатляет, особенно

²² Наиболее подробно о них см. *Brenne. Ostrakismos und Prominenz...* S. 114–117. Подкорректированные данные с учетом новейших находок см. также *Brenne S. Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien* // *OT. S. 49*.

если сопоставить ее с количеством острака с именами некоторых других ведущих афинских государственных деятелей. Так, Ксантипп «имеет» около 70 остраконов, Фукидид, сын Мелесия, – чуть меньше 70, Гиппарх, сын Харма, – примерно дюжину, Гипербол – только 3. А ведь все они тоже подвергались остракизму. Вообще только для 9 афинян количество известных острака превышает сотню; Аристид – среди них.

Надписи на нескольких остраконах с именем Аристида привлекают особенное внимание, поскольку имеют, кроме этого имени, дополнительные приписки, сделанные голосующими, очевидно, под влиянием эмоций. На одном из этих черепков Аристид, возможно, поименован братом Датиса – персидского полководца, который в 490 г. до н.э. возглавил экспедицию в Аттику, завершившуюся Марафонским сражением (Ἄριστ[εῖδην] τὸν Δά[τιδος] ἀδελφ[όν])²³, а на другом его называют «прогнавшим молящих о защите» (Ἄριστείδης ὁ Λυσιπ[ι]άχῃ [ἠὸς τὸ]ς ἡκέτο[ς] [ἀπέδ]ε[υ]ν). Каким образом политик, считавшийся воплощением справедливости, стал мишенью для столь серьезных обвинений? Этот вопрос нам еще предстоит обсудить.

* * *

Аристид, сын Лисимаха, из Алопеки родился в Афинах во второй половине VI в. до н.э. Более или менее точно дата его рождения может быть установлена (да и то не слишком надежно) только путем комбинации косвенных соображений. Соображения эти выводят в конечном счете на время рождения Фемистокла, которое *communis opinio* относит к 524 г. до н.э. Аристид, как считается, был несколькими годами старше своего соперника²⁴; соответственно полагают, что он родился ок. 530 г. до н.э.

Что по этому вопросу сообщают источники? Непот (Aristid. 1) указывает, что Аристид был «почти ровесником» (aequalis fere) Фемистокла. Выражение достаточно неопределенное: под «почти» может, конечно, скрываться временной разрыв в несколько лет. Более конкретно выражается Плутарх (Aristid. 2): «Есть сведения, что еще детьми, воспитываясь вместе, они (Фемистокл и Аристид. – И.С.) никогда не соглашались друг с другом»²⁵. Если Аристид был на 5–6 лет старше Фемистокла, они, конечно, никак не могли «воспитываться вместе». Тогда остается одно из двух: либо «приблизить» по возрасту Аристида к Фемистоклу (допустив, что первый родился примерно тогда же, когда и второй, т.е. ок. 525 г. до н.э.), либо, наоборот, Фемистокла к Аристиду (в принципе, нет ничего невероятного в том, что Фемистокл был на несколько лет старше, чем обычно считают). Однако неясно, насколько аутентична приводимая Плутархом информация о совместном воспитании Фемистокла и Аристида; кажется, она приходит в некоторое противоречие с данными о детстве Фемистокла, ко-

²³ Это чтение принадлежит А. Раубичеку, предположившему, что перед нами – строка из застольного сколия с порицаниями Аристиду: *Raubitschek A.E. Das Datislied // Charites: Studien zur Altertumswissenschaft. Bonn, 1957. S. 234–242*. Впрочем, уже отмечалось, что надпись сохранилась плохо и данный вариант заполнения лакун отнюдь не является единственно возможным. См. *Lang M. Ostraka. Princeton, 1990 (The Athenian Agora. Vol. 25). P. 38*.

²⁴ См., например, комментарий Н.Н. Трухиной в издании: *Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер., ст. и коммент. Н.Н. Трухиной. М., 1992. С. 23. Прим. 1.*

²⁵ «Аристид» Плутарха цитируется в переводе С.П. Маркиша.

торые тот же автор сообщает в его жизнеописании (Plut. Them. 1). Не будем гадать и предложим наиболее осторожный вариант: относить рождение Аристиды к хронологическому отрезку 530–525 гг. до н.э. Большая точность и вряд ли возможна, и не слишком нужна.

Как видно из названия дема, к которому Аристид был приписан в период клисфеновских реформ, он обитал в одном из самых престижных регионов афинского полиса. Алопека²⁶, входившая в состав городской триттии филы Антиохиды, хотя и располагавшаяся не в самом городе, а в его предместьях (в южном направлении), занимала особое место среди аттических демов. Ее можно без преувеличений назвать «аристократическим кварталом»: ведь именно в ней уже к концу архаической эпохи находились главные резиденции двух знатнейших и влиятельнейших родов – Алкмеонидов и Кериков. Разумеется, из сказанного не вытекает, что все, кто жил в Алопеке, принадлежали к аристократам-евпатридам. Однако уже сам факт проживания в подобном окружении не мог не становиться важным фактором карьеры любого политика, поскольку именно в рамках дема устанавливались первичные политические контакты. В целом деятельность представителей элиты, их путь к вершинам власти и влияния часто начинались, в пору их молодости, на уровне дема²⁷, где они участвовали в локальных народных собраниях²⁸, в выборах демархов и других местных должностных лиц; в дальнейшем часть политиков, о которых идет речь, так и оставалась на этом уровне²⁹, а часть достигала общеполисного масштаба. Но для такого «роста» было необходимо иметь связи (дружественного или матримониального характера) в кругу «больших людей», своих сотоварищей по дему, особенно если сам начинающий политик не блистал происхождением и славой предков. Можно было, например, вступить в общественную жизнь как член группировки кого-нибудь из ведущих лидеров, а потом уже, окрепнув, выступить как самостоятельная фигура (именно таков случай с Фемистоклом³⁰). Аристид, как мы увидим, шел к общеполисному признанию иным путем, но все-таки, если бы он совершенно не имел нужных связей, «пробиться в верхи» ему было бы очень трудно, если не невозможно³¹.

Это суждение тем более имеет силу, что к самой высшей афинской знати Аристид действительно не принадлежал. Он был, конечно, представителем аристократии, а не простоародья, но аристократии скорее второстепенной, не шедшей в сравнение с такими блистательными родами, имевшими древнюю и богатую историю, как, например, те же Алкмеониды или Филаиды. К какому роду принадлежал он сам – неизвестно; источники об этом ничего не сообщают.

²⁶ О местонахождении этого дема см. Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 21.

²⁷ Whitehead D. The Demes of Attica 508/7 – ca. 250 B.C. Princeton, 1986. P. 313; Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 98; Суриков И.Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 19.

²⁸ Об этих собраниях на уровне дема см. Stanton G.R. The Rural Demes and Athenian Politics // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 217. Примеры формулировок псефисм, принятых на таких собраниях, см. Rhodes P.J., Lewis D.M. The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997. P. 32–34.

²⁹ Osborne R. Demos: The Discovery of Classical Attika. Cambr., 1985. P. 87.

³⁰ Суриков И.Е. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005. С. 567–568.

³¹ На примере Перикла это показано в работе: Littman. Op. cit. P. 210.

Есть, однако, аутентичное свидетельство о том, что Аристид находился в родстве с чрезвычайно влиятельным в Аттике родом Кериков. Керики занимали особое место в общественной жизни афинского полиса. Это был жреческий род, связанный с одним из важнейших государственных культов – культом Деметры и Персефоны в Элевсине. В частности, наиболее известная семья рода Кериков (в ней с середины VI в. до н.э. и на протяжении, как минимум, двух столетий с завидным постоянством чередовались два имени – Каллий и Гиппоник) держала в своих руках на наследственной основе одну из главных (вторую по значению после нерофанта) сакральных магистратур Элевсинских мистерий – пост дадуха (факелоносца). Интересно, что это жречество отнюдь не мешало Керикам параллельно заниматься самой активной политической деятельностью. Помимо всего прочего, Керики были, пожалуй, богатейшим родом во всем афинском полисе. Особенно часто упоминания об их прямо-таки непомерном богатстве встречаются в связи с самым известным представителем рода – Каллием, сыном Гиппоника, или Каллием (II), как его обычно называют в просопографических сводах, дабы отличать от других его сородичей (предков и потомков), носивших то же имя. Это тот самый Каллий, который уже на склоне лет заключил мир, завершивший Греко-персидские войны³².

Именно Каллий, сын Гиппоника, слывший самым состоятельным человеком во всей Элладе (*Lys.* XIX. 48), являлся двоюродным братом (ὄνεψιός) Аристиды (*Plut. Aristid.* 25). Следовательно, у них был общий дед, и дедом этим мог быть не кто иной, как Каллий, сын Фениппа, или Каллий (I) – первый достоверно известный из источников представитель рода Кериков (*Herod.* VI. 121), живший в середине VI в. до н.э. и получивший известность как непримиримый враг тирана Писистрата. Об этом Каллии Геродот (VI. 122) сообщает интересную подробность: он имел, кроме сына Гиппоника (будущего отца Каллия-богача), еще трех дочерей, и, «когда дочери достигли брачного возраста, он роскошно одарил их и позволил каждой выбрать себе среди афинян мужа, какого она сама хотела, и тому отдал ее». Такая свобода, предоставленная дочерям, была совершенно не в афинских обычаях (как правило, родители ни в малейшей степени не интересовались мнением девушки, выдавая ее замуж) и характеризует Каллия как личность аристократически-экстравагантную. И в историографии уже высказывалось обоснованное, в высшей степени импонирующее нам мнение, согласно которому матерью Аристиды как раз и была одна из трех дочерей Каллия, сына Фениппа, выбравшая своим супругом Лисимаха³³. Пусть в источниках эксплицитно об этом не говорится, но более убедительной альтернативы, позволяющей установить родство Аристиды с Кериками, кажется, просто нет.

Можно присовокупить еще и следующее соображение. Каллий, сын Фениппа, знатнейший аристократ, да еще и выходец из жреческого рода, наверняка воспитал своих дочерей в духе традиционной добродетели. Если они выбирали себе мужей, руководствуясь принципами этой добродетели, и если сделать вполне естественное допущение, что Лисимах хотя бы отчасти отличался такими же

³² О Каллии и его деятельности см. *Суриков И.Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности.* Ч. 1. Казань, 2000. С. 105 слл.; *Surikov I.E.* Athenian Nobles and the Olympic Games // *Mésogeios.* 2004. 24. P. 198 ss.

³³ *Shapiro H.A.* Kallias Kration Alopekethen // *Hesperia.* 1982. 51. 1. P. 69–73. Другая дочь Каллия, по выкладкам Шапиро, была выдана за некоего Струтона, а третья – за Кратия из рода Алкмеонидов.

качествами, как его сын, – справедливостью и душевным благородством (ведь не без влияния же родителей Аристид сформировался в образцового человека и гражданина), – то многие компоненты ситуации начинают объяснять и подкреплять друг друга.

Как бы то ни было, абсолютно достоверно, что по материнской линии Аристид происходил из Кериков, хотя официально членом их рода, безусловно, считаться не мог. Впрочем, положение это не уникально. Ксантипп и Перикл тоже не входили в состав рода Алкмеонидов, но получали от этого рода поддержку, поскольку из него вышли матери обоих названных политиков³⁴.

Говоря о связях Аристида, следует отметить еще наследственную дружбу между его семьей и семьей философа Сократа (этот сюжет заслуживает рассмотрения в отдельной работе). Можно даже с некоторой долей уверенности утверждать, что личность Аристида, его образ жизни оказали значительное влияние на Сократа, на весь стиль его поведения, который был максимально непритязательным не только (наверное, даже не столько) из-за ограниченности материальных средств, но и по принципиально-демонстративным соображениям.

Здесь мы, возвращаясь к Аристиду, выходим на немаловажный момент. Как уже отмечалось выше, в нарративной традиции второй основополагающей характеристикой этого политика, наряду со справедливостью, выступает бедность, можно сказать, «благородная нищета». Причем чем позже источник – тем в более выпуклой и подчеркнутой форме выдвигается в нем этот мотив. Складывается он не сразу: у Геродота, Фукидида, Платона, Аристотеля, Демосфена³⁵ Аристид еще не является воплощением бедности. А вот уже Деметрий Фалерский в конце IV в. до н.э. выступает с аргументированной критикой тезиса о бедности Аристида (FGrHist. 228. F 43), и это показывает, что данный тезис к тому времени появился и приобрел распространение³⁶. В дальнейшем «мотив бедности», представлявший собой, повторим, весьма удобный для саморазвития топос, только увеличивал свою роль, обрастая новыми и новыми, все менее аутентичными подробностями. У авторов эллинистического и римского времени мы читаем о том, как Аристид решительно отказывается от вспомоществования со стороны богатых родственников, о том, как его дочери после смерти отца оказываются бесприданницами, и государство вынуждено субсидировать их вступление в брак...

Переходя же от риторики к фактам, очевидно, можно считать несомненным, что Аристид действительно не относился к кругу самых богатых афинян. Но видеть в нем бедняка тоже нет никаких оснований. Когда Деметрий Фалерский доказывает, что Аристид не был таковым, не все его доводы обладают равной силой убедительности, но во всяком случае одного приводимого им аргумента вполне достаточно, чтобы расставить точки над *i*. Справедливо отмечается, что Аристид занимал пост архонта-эпонима (о времени и обстоятельствах его из-

³⁴ Суриков. Перикл и Алкмеониды... С. 14 слл.; он же. Ксантипп, отец Перикла: штрихи к политической биографии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 100 слл.

³⁵ Демосфен, как мы видели, говорит только о том, что Аристид не обогатился от сборов фороса и что он был похоронен за государственный счет. Этот последний факт свидетельствует, конечно, не о бедности Аристида, а о его заслугах перед полисом. Так хоронили в Афинах павших в бою воинов (см. Карюк С.Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 221 сл.), и, приравняв к ним Аристида, сограждане, безусловно, оказывали ему высокую честь.

³⁶ Думаем, что не ошибемся, предположив определенный вклад кинической школы в формирование данного мотива.

брании см. ниже). А в его времена, в начале V в. до н.э., доступ к этой магистратуре был открыт только представителям двух высших имущественных классов – пентакосиомедимнам и всадникам, – и лишь в 457 г. до н.э. к ней были допущены зевгиты.

Сказанное позволяет утверждать, что Аристид, скорее всего, принадлежал по размеру своего состояния к лицам не ниже всаднического статуса. Что же касается его образа жизни, скромного и умеренного, то здесь перед нами не столько знак бедности в собственном смысле слова, сколько сознательная линия поведения, намеренный отказ от любой роскоши. Может быть, и даже весьма вероятно, что Аристид воспроизводил на афинской почве простоту быта спартанцев; сообщается (Plut. Aristid. 2), что «среди государственных деятелей он более всего восхищался лакедемонянином Ликургом и стремился ему подражать». В этом же месте Плутарх говорит, что «Аристид был приверженцем Клисфена». В чем конкретно это выражалось, не сообщается. Очевидно, интересующий нас политик действительно начинал свою деятельность, будучи еще совсем молодым, в период клисфеновских преобразований, и при этом входил в окружение реформатора, в его «группу поддержки». Иными словами, Аристид вступил в политику в составе группировки Алкмеонидов, которая была сильнейшей и наиболее влиятельной в афинском полисе на рубеже VI–V вв. до н.э. Впрочем, это сближение с Алкмеонидами не должно было вызвать какого-либо недовольства у его сородичей Кериков. Ко времени Клисфена между родами Кериков и Алкмеонидов были уже установлены прочные дружественные и матримониальные связи³⁷ (возможно, на почве совместного противостояния Писистратидам).

Итак, вначале Аристид двигался по вполне традиционному пути. Если бы он и продолжил в том же духе, то, скорее всего, так и остался бы политиком второго–третьего эшелона. Однако случилось иначе. С того момента, когда сведений о деятельности Аристида становится больше (а именно с 490 г. до н.э.), выясняется, что он занимает уже совершенно иную позицию – позицию, нужно сказать, уникальную, отличавшую его от всех остальных государственных деятелей его времени, более того, почти невысказанную в условиях классического полиса, и именно эта позиция обеспечила ему особое место в истории.

Аристид в период своей наибольшей известности являлся политиком вне группировок, подчеркнуто занимал, если так можно выразиться, равноудаленное положение по отношению если не ко всем, то к нескольким важнейшим «центрам силы» в государстве. Это обстоятельство, кстати, не ускользнуло от внимания Плутарха, который отмечает: «Аристид Справедливый всякое государственное дело предпринимал в одиночестве, а товариществ (ἑταρείας, т.е. политических группировок. – И.С.) чуждался, полагая, что власть, приобретенная через друзей, мешает человеку быть справедливым»³⁸ (Plut. Mor. 186a).

При этом речь здесь не идет о стиле политического поведения, характерном, например, для Перикла, который на пике своей карьеры претендовал на то, что находится как бы «над схваткой», выше всех группировок, и выступает от имени всего гражданского коллектива³⁹. Перикл, как известно, с 440-х годов до н.э. даже демонстративно отказался от тесного общения с друзьями и родственниками (Plut. Pericl. 7), что, несомненно, производило впечатление некоторого высоко-

³⁷ Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 57.

³⁸ «Моралии» Плутарха цитируются в переводе М.Л. Гаспарова. Ср. также Plut. Aristid. 5 in fine: «Аристид же прокладывал свой путь в полном одиночестве...».

³⁹ Суриков. Перикл и Алкмеониды... С. 26.

комерия. Никто не был более чужд подобному снобизму, чем Аристид; его приемы в общественной жизни были, по сути, противоположными. Аристид отнюдь не изолировался от прочих участников политической борьбы, напротив, был открыт для конструктивного диалога и сотрудничества практически с любым из них – в тех и только тех случаях, когда видел, что это пойдет на благо полису.

Именно это, насколько нам представляется, и было причиной восхищенного удивления современников. Именно в этом заключалась знаменитая «справедливость» Аристида – в том, что он всегда ставил общегосударственные интересы выше личных и групповых. Ведь в целом данная черта была совершенно не свойственна афинской политической жизни с ее ярко выраженным личностным, агональным вектором. В полисной политике всегда была в высшей степени сильна оппозиция «свой – чужой». Одна из основополагающих максим общественной жизни, да и всей этики, могла бы быть сформулирована так: делай «своему» добро, а «чужому» зло, насколько возможно⁴⁰. Это не оспаривалось, считалось чем-то само собой разумеющимся. Даже самые крупные государственные деятели разных эпох (будь то Солон, Фемистокл или Демосфен), при всех своих других многочисленных достоинствах, в данном отношении не являли собой исключений из правила, находились в плену коллективных политико-этических установок. Соответственно интересы полиса как целого сплошь и рядом отступали на задний план, а на передний выдвигалась ожесточенная борьба группировок.

Но вот для Аристида такая постановка вопроса оказывалась совершенно неприемлемой. Его политическое кредо выражалось в понятиях справедливости и беспристрастия, иными словами, во всецелой ориентации на общие, а не частные интересы. Потому-то он и готов был для пользы дела сотрудничать почти с любым другим политиком. «Чужих» для него просто не существовало в родном полисе, все были «своими».

Это, повторим, являлось не просто большой редкостью; среди всех современных ему лидеров таким, последовательно проводимым подходом характеризовался он и только он. Вполне закономерно за все время существования Афинского государства только *один* политический деятель получил в оценке традиции устойчивый эпитет «Справедливого» (Δίκολος), и это был, конечно, Аристид. Один – хотя одаренных, талантливых и даже просто гениальных политиков в Афинах было более чем достаточно. Они блистали в других отношениях – а он был просто «справедливым», выделялся среди сограждан именно в этом плане.

Интересно, что среди античных авторов нет единого мнения по вопросу о конкретно-политических взглядах Аристида и о его, как у нас принято было в свое время выражаться, социальной базе. Аристотель (Ath. pol. 23. 3) явно считает Аристида политиком демократической ориентации, ставит его имя рядом с именем Фемистокла. Вот его слова: «Простатами народа в эту пору были Аристид, сын Лисимаха, и Фемистокл, сын Неокла. Последний считался искусным в

⁴⁰ По поводу этого принципа см. *Blundell M.W. Helping Friends and Harming Enemies: A Study in Sophocles and Greek Ethics. Cambr., 1991; Mitchell L.G., Rhodes P.J. Friends and Enemies in Athenian Politics // GaR. 1996. 43. 1. P. 11–30; Суриков И.Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 39. Этот принцип действовал как в архаическую эпоху (Sol., fr. 1. 5–6 Diehl: «Так, чтобы сладостен был я друзьям, горек – вражьему сердцу, и, чтимый другом своим, был бы грозой я врагу»), так и в классическую (Lys. IX. 20: «Так уж заведено, думается мне, чтобы врагам делать зло, а друзьям добро»).*

военных делах, первый – в гражданских (τὰ πολιτικά), притом Аристид, по общему мнению, отличался еще между своими современниками справедливостью. Поэтому и обращались к одному как к полководцу (στρατηγῶν), к другому – как к советнику (συμβούλῳ)». Простим здесь Стагириту известное упрощение: и Аристид в своей жизни, случалось, отличался как полководец, и Фемистокл не раз и не два подсказывал согражданам в высшей степени ценные идеи. Но общую, сложившуюся репутацию не преодолеть; судя по всему, уже современниками Аристид воспринимался не столько как «муж войны», сколько как «муж совета».

Для нас сейчас важнее другое. Аристотель, повторим, числит Аристида в простатах демоса и нигде не приравнивает его к простатам знатных (υψορίμων), в числе которых он называет, например, Мильгиада, Кимона, Фукидида, сына Мелесия, Никия, Ферамена (Ath. pol. 28. 2–3). Совсем иное дело – Плутарх, характеризующий Аристида так (Plut. Aristid. 2): «Склоняясь на сторону аристократии (ἀριστοκρατικῆς πολιτείας), он во всем встречал сопротивление заступника народа Фемистокла, сына Неокла». В историографии, к сожалению, закрепилась именно эта последняя модель, в которой Фемистокл выступает как «демократ» и радикал, а Аристид – как консерватор, едва ли не «олигарх»⁴¹.

В действительности Аристид не был, конечно, ни принципиальным «демократом», ни тем более принципиальным «олигархом». Он выступал, подчеркнем еще раз, прежде всего за благо государства как целого, а не какой-то конкретной группы или слоя людей. Он мог в различных конкретных обстоятельствах оказываться как в роли противника Фемистокла (действительно деятеля радикальных интенций), так и в роли его союзника, если считал, что это пойдет на пользу полису. Несомненно, он симпатизировал умеренной (клизфеновской) форме народовластия; в то же время нет оснований не верить, что он искренне восхищался какими-то чертами спартанского космоса (и опять же, нужно полагать, лучшими его чертами). Не вызывали у него поддержки только любые крайности.

«Беспартийность» Аристида (точнее, его «всепартийность», которую ни в коем случае не следует путать с политической «всеядностью») тем более удивительна, что он жил в эпоху, когда сохранять мудрую беспристрастность и добиваться компромисса было труднее, чем когда бы то ни было. Обстановка менее всего располагала к этому. Внутриполитическая борьба становилась все более острой, равно как и внешнеполитическая. Дамокловым мечом нависала персидская угроза; назревали события огромного исторического значения. К этим событиям нам самое время теперь перейти, тем более что выдвинутые выше тезисы о политической линии Аристида достаточно серьезны и должны быть проиллюстрированы фактами.

* * *

Первый по-настоящему знаменательный поступок в жизни нашего героя, тот, который во многом predetermined его дальнейшую судьбу и политическое реноме (его можно назвать даже Поступком с большой буквы), пришелся на годину Марафонского сражения. Когда афинское ополчение выступило к Марафону, Аристид – человек уже не юный, находившийся в поре акме, но пока еще

⁴¹ Ср. выражение подобных позиций (причем еще в довольно умеренной форме): Строгоцкий. Полис и империя... С. 44.

ничем всерьез себя не проявивший в общественной жизни и пребывавший несколько «в тени»⁴², был в войске одним из десяти стратегов. Он возглавлял контингент своей филы Антиокиды, в которой тон задавали Керики и Алкмеониды, и был избран на высокую военную должность, несомненно, усилиями этих родов и их приверженцев⁴³.

Стратеги возглавляли армию на началах полного равенства и ротации, ежедневно сменяя друг друга на посту командующего. Такой порядок, конечно, никак нельзя назвать оптимальным в ситуации, когда единоначалие было необходимо как воздух. Это становится особенно ясно, если учесть, что среди десяти командиров абсолютно не было единства ни по тактическим, ни даже по стратегическим вопросам. А четко продуманный план действий, к тому же основанный на хорошем знакомстве с персидской военной организацией, с ее сильными и слабыми сторонами, вообще имел один лишь Мильтиад.

Мильтиад добивался *carte blanche*, но, естественно, его доводы натывались на полную неуступчивость коллег. Какой же афинский аристократ согласился бы поступиться собственным «я» в чью-то чужую пользу! Разрешению зашедшей в тупик ситуации способствовал не кто иной, как Аристид (Plut. Aristid. 5). Он, по словам Плутарха, «присоединился к мнению Мильтиада относительно срока и плана битвы». Более того, Аристид уступил ему свой день командования. Этот экстраординарный поступок стал примером для остальных стратегов, и они сделали так же, в результате чего Мильтиад стал единоличным командующим афинским войском и смог разгромить персов. Таким образом, помощь пришла к марафонскому победителю с совершенно неожиданной стороны, от политика, который не только не был его сторонником, но, напротив, принадлежал, как считалось, к конкурирующей с Филаидами группировке Алкмеонидов и Кериков.

Итак, в 490 г. до н.э. Аристид впервые продемонстрировал, что он – единственный среди современных ему лидеров – готов поступиться личными и узкогрупповыми амбициями во имя спасения государства. Это решение выглядело настоящим парадоксом. То, что сделал Аристид, в любое другое время, при любых других обстоятельствах не сошло бы ему с рук и, пожалуй, поставило бы крест на всей его дальнейшей карьере: прежние соратники решительно отвернулись бы от него как от «перебежчика» и «двурушника», а в новый политический лагерь его все равно не приняли бы.

Однако Аристид не просто совершил правильный поступок: он совершил его в нужное время. После Марафонской победы ни у кого просто не повернулся бы язык упрекнуть его. Ведь «задним числом» все понимали, что именно так и должен действовать каждый патриот: Мильтиад среди афинских полководцев был, бесспорно, наиболее компетентен в персидских делах, и вручение ему всей полноты власти выглядело наиболее естественным, единственно эффективным шагом. Другое дело, что ни один другой стратег не был психологически готов первым «переступить через себя». Во многом благодаря самоотречению Аристида персы были разгромлены, и это прекрасно сознавали сограждане.

⁴² Достаточно вспомнить, что Фемистокл уже успел к этому времени занять должность архонта-эпонима.

⁴³ В частности, Керики были весьма сильны в Афинах в 490 г. до н.э. Архонтом-эпонимом этого года, т.е. первым магистратом государства, был некий Фенипп (*Develin R. Athenian Officials 684–321 BC. Cambg., 1989. P. 55*), который, судя по имени, принадлежал к Керикам и являлся, таким образом, родственником Аристида.

Не случайно сразу после Марафона, выражаясь современным языком, «рейтинг» Аристиды начал стремительно расти. Уже на ближайших выборах он был избран архонтом-эпонимом, высшим должностным лицом полиса, на 489/488 г. до н.э.⁴⁴ – так афиняне почтили его «непохожесть» на остальных. Причем, судя по тому, что в собственно военном отношении Аристид не совершил чего-либо достойного упоминания в Марафонской битве (во всяком случае об этом ничего не сообщается), его возвысили до первого поста в государстве не как «мужа войны», а именно как «мужа совета». Отныне Аристид, как бывший архонт и член Ареопага, занимал прочное место в самых высших кругах политической элиты, был одним из признанных лидеров афинской гражданской общины. При этом он не поссорился и с Алкмеонидами, и приобрел доверие в более широких кругах населения.

Впрочем, если бы мы сказали, что он теперь совсем не имел недоброжелателей и завистников, мы сильно погрешили бы против истины. Напротив, таких было более чем достаточно. Несомненные отзвуки антипатии отдельных афинян по отношению к Аристиду – приводившиеся выше надписи на двух остраконах с остракофорией 480-х годов до н.э. Тот из названных памятников, на котором Аристид назван «прогнавшим молящих о защите», при нынешнем состоянии наших знаний остается загадочным, и пока невозможно дать однозначный ответ на вопрос, имеет ли здесь место аллюзия на какое-то конкретное событие или же перед нами – злонамеренный, ни на чем не основанный домысел кого-то из врагов «справедливого» политика. Вопрос приходится оставить открытым⁴⁵. Совсем другое дело – остракон, на котором Аристид фигурирует как брат Датиса. Намек предельно прозрачен и свидетельствует о том, что Аристиду некоторое время не могли еще забыть того факта, что он начинал свою деятельность в группировке Алкмеонидов – умеренных персофилов. Как раз в ближайшие годы после Марафона противники Алкмеонидов вели против них ожесточенную кампанию обвинений в персидской измене (дело о «сигнале щитом»). Некоторые удары, понятно, приходились и по Аристиду, однако, нужно полагать, сколько-нибудь серьезного ущерба его быстро устоявшейся репутации они не наносили. Все мыслящие граждане не могли не понимать, что Аристид, во-первых, уже нельзя однозначно идентифицировать с Алкмеонидами; во-вторых, само его поведение на Марафонском поле было достаточным аргументом против любых подозрений в персофильстве.

Тем не менее Мильтиад, насколько можно судить, так и не приобрел полного, безоговорочного доверия к Аристиду. Обратим внимание на эпизод, имевший место непосредственно после победы при Марафоне (Plut. Aristid. 5). Оттеснив персов к кораблям и увидев, что те плывут к Афинам, огибая побережье Аттики, командующий немедленно приказал полисному ополчению форсированным маршем двигаться к городу, дабы опередить врага. Однако в Афины возвратилось не все войско, а отряды лишь девяти фил. Десятый отряд – а именно отряд Антиохиды во главе с Аристидом – был оставлен на поле боя, по версии Плу-

⁴⁴ Plut. Aristid. 5 («после Фениппа»). Правда, Деметрий Фалерский (FGrHist. 228. F 44) утверждал, что Аристид был архонтом уже после Платейского сражения. Но здесь этот авторитетный автор явно ошибался. После 487 г. до н.э. архонтов уже не избирали голосованием; они занимали должность по жребию. Соответственно с этого времени и вплоть до эпохи эллинизма мы не находим в списках архонтов ни одного сколько-нибудь видного политика. Об архонтате Аристиды см. Develin. Op. cit. P. 57.

⁴⁵ См. Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 185.

тарха, для того, чтобы охранять пленников и добычу. Нам, однако, представляется, что здесь могла иметь место и другая причина. Вряд ли в условиях, когда под угрозой оставалась сама независимость родины, к тому же на счету был каждый человек (армия персов даже после понесенных при Марафоне потерь превосходила численностью афинскую), вопрос об охране добычи стоял так уж остро. Не исключено, что Мильтиад оставил на месте сражения ту часть ополчения, которая казалась наиболее ненадежной, присутствие которой в городе ввиду возможной новой персидской атаки представлялось нежелательным. Кстати, мы знаем, что к филе Антиохиде принадлежали, помимо Аристиды, большинство представителей Алкмеонидов, которые в первую очередь подозревались в симпатиях к персам. Как бы то ни было, Аристид и эту возложенную на него задачу выполнил с честью. Он, по словам Плутарха (Aristid. 5), «не обманул возлагавшихся на него надежд: хотя повсюду были груды серебра и золота, а в палатках и на захваченных судах находились в несметном числе всевозможные одежды и другое имущество, он и сам пальцем ни к чему не притронулся, и другим не позволил». Разумеется, в этом пассаже не обошлось без риторических преувеличений относительно «несметного» числа захваченных во вражеском лагере богатств, но суть дела, нужно полагать, передана верно.

Самого Мильтиада уже год спустя не было в живых. А его сына, юного Кимона, который после смерти отца оказался в весьма затруднительном положении (как в материальном, так и в политическом плане), Аристид в некотором роде взял под свое покровительство. Как сообщает Плутарх (Cim. 5), «особенно же возвеличил его (Кимона. – И.С.) Аристид, сын Лисимаха, который видел прекрасные качества его характера»⁴⁶. Политик, прозванный «Справедливым», в очередной раз продемонстрировал, что в родном полисе «чужих» для него не существует, помогая сыну отнюдь не самого благожелательного к нему лидера. В дальнейшем Аристиду и Кимону приходилось действовать в военно-политической сфере рука об руку.

Итак, Аристид снова и снова оказывался способен найти общий язык с самыми разными политиками – но только на принципиальной основе, во имя блага полиса. Он не шел ни на какие уступки там, где видел свою правоту – но зато и не считал зазорным переменить точку зрения, если иной взгляд на вещи представлялся более убедительным. «Внеся на рассмотрение народа какой-то законопроект, когда его мнение, невзирая на многочисленные и горячие возражения, все же возобладало и председатель уже готов был перейти к голосованию, Аристид убедился, что противники правы, и снял свое предложение» (Plut. Aristid. 3). Опять же случай почти немислимый в условиях агонального полисного менталитета!

Случалось Аристиду сотрудничать даже и с Фемистоклом. И это несмотря на то что в нарративной традиции они предстают самыми непримиримыми антагонистами. Мотив их противостояния занимает, пожалуй, наиболее заметное место и в изложении Плутарха. Насколько можно судить, дебаты между Фемистоклом и Аристидом были в 480-х годах до н.э. действительно весьма горячими; страсти подчас до предела накалялись, что вообще было свойственно афинской внутривнутриполитической борьбе этого периода.

Однако, изучая отношения между Аристидом и Фемистоклом, вряд ли стоит односторонне выдвигать на первый план только моменты вражды и конфликта.

⁴⁶ Перевод В.В. Петуховой.

Понятно, что в источниках, особенно поздних, именно эти моменты оказались особенно акцентированными (местами, насколько можно судить, искусственно). Ведь перед нами опять же крайне удобный для риторической разработки топос: противопоставление друг другу двух полярно несхожих деятелей – одного, безусловно талантливого и яркого, но при этом беспринципного, и другого, может быть, не столь одаренного, но зато по моральным качествам являющего собой воплощение идеального гражданина.

О вражде Фемистокла и Аристиды упоминается уже у Геродота (VIII. 79). Но «отец истории» не говорит о том, что эта вражда была постоянной и непримиримой; он ведет речь о конкретной ситуации, сложившейся после изгнания Аристиды остракизмом. Изгнание это имело место прежде всего благодаря Фемистоклу и, понятно, не могло не обострить отношения между двумя политиками. Аристотель (Ath. pol. 23. 3–4; 28. 2) вообще считает Аристиду и Фемистокла не столько противниками, сколько союзниками, распределившими между собой сферы деятельности. Но вот уже у авторов эллинистического и римского времени (Непота, Плутарха и др.) сюжеты, связанные с их соперничеством, решительно преобладают, что, бесспорно, следует оценить как упрощение реального положения дел.

Говоря о пресловутой вражде, необходимо иметь в виду несколько немаловажных нюансов. Во-первых, сам ее факт вряд ли правомерно отрицать. Слишком уж разными людьми были два упомянутых лидера, чтобы между ними могла возникнуть подлинная политическая и личная близость. Во-вторых, при этом оба они, как умудренные государственные мужи, конечно, в случае необходимости находили в себе силы забыть о разногласиях и выступать «единым фронтом». Характерно в данной связи следующее место из Плутарха (Mog. 186b): «Однажды он (Аристид. – И.С.) был отправлен в посольство вместе с Фемистоклом, хотя они и враждовали. “Давай, Фемистокл, – сказал он, – оставим нашу вражду на границе, а когда будем возвращаться, тогда, если хочешь, подберем ее опять”». Неважно, к какому конкретно времени и эпизоду деятельности политиков относить этот афоризм; в любом случае он очень хорошо характеризует их позицию по отношению друг к другу.

В-третьих (и это, пожалуй, самое важное), для лучшего понимания ситуации следует как можно более конкретно локализовать во временном плане противостояние Фемистокла и Аристиды. Ведь, повторим, не было же оно постоянным и не подверженным никаким сближениям. Оказывается, что на протяжении первой половины 480-х годов до н.э. конфликт еще практически никак не давал о себе знать, решительное же столкновение пришлось только на 482 г. до н.э. (см. ниже); оно-то и запомнилось современникам и потомкам. А до того мы не раз видим Фемистокла и Аристиды действующими вместе.

Так, в 487 г. до н.э. была осуществлена важная реформа архонтата (Arist. Ath. pol. 22. 5)⁴⁷, после которой архонты впервые стали избираться не голосованием, как раньше, со времен Солона, а по жребию. Главным инициатором этой реформы, уменьшившей значение коллегии архонтов и Ареопага и возвысившей роль стратегов, несомненно, являлся Фемистокл, с чем согласны практически

⁴⁷ Об этой реформе см. *Cavaignac E. La désignation des archontes athéniens jusqu'en 487 // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. 1924. 48. P. 144–148; Wade-Gery H.T. Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 86–115; Buck R.J. The Reform of 487 B.C. in the Selection of Archons // CPh. 1965. 60. 2. P. 96–101; Badian. Archons and Strategoi; Kelly. Op. cit.*

все исследователи. А нам уже приходилось в другом месте⁴⁸ высказывать предположение, согласно которому сторонником реформы архонтата был также и Аристид⁴⁹, в данном случае оказавшийся, таким образом, в одном лагере с Фемистоклом. Оба этих политика имели между собой то общее, что и тот и другой уже побывали в должности архонта и теперь ничего не проигрывали от изменения порядка замещения этой магистратуры.

Можно предположить, что, инициируя реформу, два политика руководствовались неодинаковой мотивацией. Аристид, скорее всего, считал, в духе своей позиции, что назначение магистратов посредством жеребьевки более справедливо и беспристрастно, нежели их избрание голосованием, поскольку исключает проявление любых личных и симпатий и антипатий граждан. А амбициозный Фемистокл попросту стремился, перекрыв видным политическим лидерам путь к архонтату и членству в Ареопаге, уменьшить число своих возможных конкурентов в сфере общественной жизни.

В целом хронологический отрезок между отражением персов при Марафоне и походом Ксеркса с полным основанием может быть назван в афинской истории «эпохой Фемистокла». Пользуясь поддержкой демоса за свою подчеркнутую антиперсидскую позицию, этот политик год за годом набирал силы и оттеснял соперников. Он, впрочем, не довольствовался тем, что конкуренты будут просто отодвинуты на второй план, и желал по возможности вообще удалить их из полиса, чтобы действовать «с развязанными руками». С этой целью он извлек из-под спуда принятый еще при Клисфене, но за истекшие с тех пор почти двадцать лет так ни разу и не примененный закон об остракизме. Этот закон давал гражданской общине возможность достаточно долговременного (десятилетнего) изгнания «неудобных» политиков с территории государства⁵⁰.

После Марафонской победы, как сообщает Аристотель (Ath. pol. 22. 3), афиняне впервые применили закон об остракизме. И не просто впервые применили: в 480-х годах до н.э. к этой процедуре обращались значительно интенсивнее и чаще, чем когда бы то ни было в последующей истории Афин. Едва ли не каждый год проводилась остракофория⁵¹. Немаловажную роль здесь сыграла деятельность Фемистокла. Ведь практически несомненно, что именно он стал инициатором начала реального применения остракизма и изгнания ряда видных политиков, что остракофории 480-х годов до н.э. – его рук дело⁵².

⁴⁸ Суриков. Афинский ареопаг... С. 34.

⁴⁹ Намек на это (правда, в неверном хронологическом контексте) см. у Плутарха (Aristid. 22).

⁵⁰ Подробнее см. Суриков И.Е. Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 3–30.

⁵¹ Об остракофориях этих лет см. Lavelle B.M. A Note on the First Three Victims of Ostracism (Ἀθηναίων Πολιτεία 22. 4) // CPh. 1988. 83. 2. P. 131–135; Суриков. Политическая борьба...

⁵² Например: Gregor J. Perikles: Griechenlands Grösse und Tragik. München, 1938. S. 202; Williams G.W. The Curse of the Alkmaionidai. II. Kleisthenes and the Persian Wars // Hermaethena. 1952. 79. P. 1–21; Kagan D. The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. 30. 4. P. 399; Forrest. Op. cit. P. 220; Thomsen. Op. cit. P. 132; Bicknell P.J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. 23. 2. P. 159; Lenardon R.J. The Saga of Themistocles. L., 1978. P. 47; Ruschenbusch. Op. cit. S. 53 f.; Bengtson. Op. cit. S. 50; Camp J.M. Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // Hesperia. 1999. 68. 3. P. 268; Anderson G. Alkmeonid «Homelands», Political Exile, and the Unification of Attica // Historia. 2000. 49. 4. P. 402; Строецкий В.М. Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 19–20; он же. Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир: проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 71.

Хронологическую последовательность остракофорий, о которых идет речь, излагает Аристотель в «Афинской политике» (22. 4–7). На протяжении 487–484 гг. до н.э. из полиса были изгнаны Гишпарх, сын Харма (Писистратид, родственник свергнутого тирана Гиппия), Мегакл, сын Гиппократы, из рода Алкмеонидов, близкий к тому же роду Ксантипп (отец Перикла) и еще один неизвестный по имени афинянин (возможно, Каллий, сын Кратия, двоюродный брат Аристида по материнской линии). Фемистокл последовательно и успешно шел к достижению позиции единоличного лидера Афин и был уже весьма близок к этому.

А что же Аристид? Как видим, среди жертв первых четырех остракофорий его нет. Хотя, употребляя, может быть, чрезмерно современное сравнение, «снаряды падали» буквально вокруг него. В изгнание уходили близкие Аристиду люди, те политики, в рядах которых он начинал свою карьеру. А сам «Справедливый» пока оставался неприкосновенным. Приходят на ум два возможных объяснения ситуации. Либо Фемистокл пока еще находил с Аристидом точки соприкосновения и не видел в нем решительного противника, с которым нужно как можно скорее «покончить»; либо репутация Аристида в полисе была настолько высокой и прочной, что его не так-то просто было дискредитировать, и это пришлось «отложить напоследок». Как представляется, сыграли свою роль оба этих фактора.

Однако рано или поздно момент решительного столкновения между Фемистоклом и Аристидом не мог не наступить. Помимо того, что к концу 480-х годов до н.э. Аристид, и только он один, стоял на пути Фемистокла к безоговорочному лидерству, в конце концов должна была сказаться полная противоположность их общеполитических позиций. Между самым, так сказать, «партийным» политиком раннеклассических Афин и политиком самым «беспартийным»⁵³ конфликт был попросту неизбежен.

Разумеется, конфликт этот имел не только личный, но и принципиальный характер. Развертывался он вокруг важнейшего вопроса военно-стратегической политики. Оба оппонента принимали как данность тот факт, что необходимо готовиться к обороне от становившегося все более неминуемым персидского вторжения. Но как готовиться? Аристид – и в этом виден его определенный консерватизм – считал, что, собственно, Марафон уже дал ответ на этот вопрос. 192 погибших греческих гоплита против шести тысяч убитых персов – такое соотношение не могло не вдохновлять. Фаланга показала свое решительное превосходство даже над превышающими по численности ахеменидскими войсками. Соответственно вывод напрашивался сам собой: именно на фалангу, на сухопутные силы нужно возложить все упования, именно эту часть полисного ополчения следует развивать и крепить в первую очередь. В данном отношении Аристид выступал фактически в роли преемника линии Мильтиада.

Такая позиция, однако, была к моменту, о котором идет речь, уже «вчерашним днем». Более дальновидным оказывался Фемистокл. Он лучше, чем кто-либо, сознавал, что, сколько бы ни укреплять сухопутное войско, оно все равно окажется бессильным перед лицом той колоссальной армады, которая должна была вторгнуться в Элладу с года на год. При всех великолепных боевых качествах фаланги персы просто раздавили бы ее числом. Спасение, если вообще его следовало ожидать, могло прийти только на море. Поэтому Фемистокл призывал создать в Афинах по-настоящему мощный, многочисленный и боеспособный флот взамен той эскадры из примерно полусотни кораблей, которой по-

⁵³ Противопоставление Плутархом (Aristid. 2) Фемистокла и Аристида именно в этом отношении выглядит вполне правомерным.

лис на тот момент располагал. Насколько можно судить, эта «морская программа» сложилась у Фемистокла уже к концу 490-х годов до н.э., когда по его инициативе начали строить новый порт в Пирее. Но тогда работы были в силу ряда обстоятельств приостановлены. И только теперь Фемистокл был ближе, чем когда-либо раньше, к реализации своих планов. Оставалось переубедить или устранить Аристида. Переубедить, очевидно, не удалось. Это, наверное, был единственный случай, когда «справедливый» политик совершил по-настоящему крупный промах. Принципиальность оказалась для него важнее, чем соображения стратегической целесообразности. А может быть, он уже тогда предвидел внутривнутриполитические последствия предлагаемой морской программы?

* * *

Конфликт достиг своего максимального накала в 482 г. до н.э. Этому способствовало неожиданно возникшее обстоятельство. В Лаврийских серебряных рудниках на юге Аттики была открыта новая мощная жила, и у государства появился важный дополнительный источник дохода. Обычно в таких случаях полученные средства делились поровну между гражданами. Как сообщается, «некоторые» (τινές) предлагали и на сей раз поступить подобным же образом⁵⁴. Не приходится сомневаться (хотя об этом и не говорится эксплицитно) в том, что в числе этих «некоторых» был и Аристид. Сама идея равного и справедливого раздела не могла не быть симпатична ему. К тому же субсидирование граждан обозначало, что какие-то из них повысят свой материальный достаток и смогут достигнуть гопплитского статуса; для укрепления мощи афинской фаланги именно это-то и было нужно.

Фемистокл, однако, придерживался иного мнения. Он полагал, что нужно воспользоваться удачным стечением обстоятельств и, не дробя оказавшиеся в руках полиса средства, целиком пустить их на морскую программу, на строительство триер. Именно данный вопрос, насколько можно судить, был ключевым на остракофории 482 г. до н.э.⁵⁵ На ней два ведущих афинских политика сошлись уже в открытом противостоянии, после которого одному из них предстояло покинуть город. Это выпало на долю Аристиды, и такой результат был, наверное, все-таки предсказуем. За Фемистокла, если говорить о социальном аспекте его борьбы с Аристидом, стояла беднейшая часть гражданского населения – феты, та самая будущая «корабельная чернь», которой не по доходам было приобрести гопплитские доспехи. Эти люди поддерживали морскую программу, понимая, что для них она приведет к весьма благоприятным результатам: они смогут, в качестве гребцов на триерах, занять наконец достойное место в военных мероприятиях государства, что позволит им повысить и свою политическую роль (так впоследствии и получилось). За Аристиды же стояла привыкшая сражаться на суше гопплитская прослойка, опора умеренной демократии. Таких афинян было меньшинство, около трети гражданского коллектива⁵⁶. Причина изгнания Аристиды становится вполне понятной.

⁵⁴ *Arist. Ath. pol.* 22. 7. Ср. *Herod.* VII. 144; *Nep. Them.* 2; *Plut. Them.* 4.

⁵⁵ Правда, Плутарх не ставит морскую программу Фемистокла и остракизм Аристиды в связь друг с другом. Однако у Аристотеля (*Ath. pol.* 22. 7) такая связь, несомненно, намечена.

⁵⁶ Общая численность граждан в Афинах в начале V в. до н.э. составляла ок. 30 тысяч человек (*Herod.* V. 97). Гопплитов же было 9–10 тысяч; именно столько сражалось при Марафоне (*Nep. Mil.* 5; *Paus.* X. 20. 2), а там ввиду крайней опасности ситуации было, несомненно, задействовано практически все гопплитское ополчение.

Поздние, морализующие авторы (Непот, Плутарх) в рассказе об остракизме Аристиды не жалеют осуждающих эпитетов по адресу афинян, изгнавших столь безупречного лидера и позволивших таким образом злу восторжествовать над добром. Исследователь должен здесь иметь в виду, что такие категории, как «добрые» (*ἀγαθοί*) и «дурные» (*κακοί*), маркируют в античной нарративной традиции не только этическую, но и социальную сферу. Первый из этих терминов устойчиво соотносится с зажиточными гражданами, второй – с бедными. Это необходимо учитывать при оценке факта, о котором здесь идет речь.

К остракофории 482 г. до н.э. относится известный анекдот о крестьянине, попросившем Аристиду надписать остракон против него самого, что тот немедленно и сделал. Этот сюжет был довольно популярен среди античных (а впоследствии и византийских) авторов (см. различные его обработки: Nep. Aristid. 1; Plut. Aristid. 7; Mor. 186ab; Philostr. Vita Apoll. VII. 21; Suid. s.v. Ἀριστείδης; Tzetz. Chil. XIII. 441 sqq.; Theodor. Metochit. Misc. p. 609 sqq. Müller – Kiessling). Сам мотив должен быть признан достаточно ранним и, не исключено, даже аутентичным⁵⁷. В любом случае вопрос о возможном историческом ядре (или отсутствии такового) в данном анекдоте не столь уж и принципиален. Ведь он не добавляет, по сути, ничего нового к тому образу Аристиды, какой донесен до нас традицией. Охотно верим, что, если крестьянин действительно обратился бы к Аристиду с подобной просьбой, этот государственный деятель отреагировал бы именно так, как об этом рассказано в источниках.

Изгнанный из Афин, Аристид отправился на остров Эгину (Herod. VIII. 79; Demosth. XXVI. 6; Aristodem. FGrHist. 104. F 1. 1; Suid. s.v. Ἀριστείδης). Насколько можно судить, Эгина и в целом служила в 480-х годах до н.э. временным убежищем афинских политиков, подвергшихся остракизму⁵⁸. Этот полис находился в давней, застарелой вражде с Афинами⁵⁹, и эгинеты охотно принимали изгнанников от недружественных соседей. Впрочем, насколько нам представляется, Аристид выбрал Эгину своим местопребыванием не потому, что хотел продемонстрировать этим свою неприязнь к афинянам, а, может быть, по прямо противоположной причине – из привязанности к родному городу, как ни парадоксально это звучит. Дело в том, что Эгина была едва ли не единственным государством, с территории которого можно было воочию видеть твердыню афинского Акрополя и вообще открывалась широкая перспектива побережья Аттики. Полтора века спустя еще один знаменитый афинский изгнанник – Демосфен – коротал время вынужденной разлуки с родиной, «сидя большей частью на Эгине... и не сводя с Аттики залитых слезами глаз»⁶⁰ (Plut. Demosth. 26). На Эгине более, чем в любом другом месте, афинянин мог чувствовать себя почти дома.

Кстати, в конце 480-х годов до н.э. афино-эгинское противостояние временно отодвинулось на второй план перед лицом более серьезных внешнеполитических проблем. На конгрессе в Коринфе в 481 г. до н.э. был создан Эллинский союз – крупная симмахия во главе со Спартой для отражения грядущей персид-

⁵⁷ Harvey F.D. Literacy in the Athenian Democracy // *Revue des études grecques*. 1966. 79. P. 592. Противоположное мнение (без специальной аргументации) см. Finley M.I. *Politics in the Ancient World*. Cambr., 1983. P. 50.

⁵⁸ Суриков И.Е. Изменения в афинских законах в V в. до н.э. (на примере закона об остракизме) // *Древнее право*. 2003. № 1 (11). С. 12.

⁵⁹ Как минимум, с VIII в. до н.э.: Coldstream J.N. *Geometric Greece*. L., 1979. P. 135.

⁶⁰ Перевод С.П. Маркиша.

ской агрессии. В союз вошел 31 полис; в числе участников были и Афины, и Эгина⁶¹. Весной 480 г. поход персов на Грецию начался. После Фермопильской битвы захватчикам была открыта дорога в центральные области Греции. Ксеркс направлялся в Аттику, где его жертвой должны были стать Афины. Афиняне по инициативе Фемистокла организовали срочную эвакуацию населения из обреченного города, переправку женщин и детей в безопасное место (в Трезен, в Арголиде), а боеспособных мужчин – на Саламин, ставший на время базой флота. Сами Афины были оставлены Ксерксу, который вскоре оккупировал и разрушил их.

В обстоятельствах этого тяжелого, военного года афинское народное собрание по инициативе Фемистокла приняло важное решение о досрочном возвращении из изгнания всех политиков, подвергнутых остракизму на протяжении 480-х годов до н.э. Об этом решении сообщается в ряде нарративных источников (*Andoc. I. 107; Arist. Ath. pol. 22. 8; Nep. Aristid. 1–2; Plut. Them. 11; Aristid. 8*)⁶², а также в интереснейшем эпиграфическом памятнике – так называемом декрете Фемистокла, найденном в Трезене⁶³. В одной из частей этой обширной, вызывающей острые дискуссии надписи содержится предписание афинянам, удалившимся из полиса на десять лет (т.е. изгнанным остракизмом), прибыть на Саламин и там ждать, пока демос что-либо о них не постановит. Принимая данную псефисму, какими соображениями руководствовалась экклесия? В самом документе мотивация такова: «Чтобы все афиняне единомысленно отражали Варвара...». Очевидно, нужно учитывать два нюанса. С одной стороны, среди изгнанников были видные государственные деятели и военачальники, которые могли оказаться полезными в минуту опасности. С другой стороны, наличествовал и страх, как бы они, мстя за нанесенную им обиду, не переметнулись на сторону персов. О таких опасениях специально в отношении Аристиде сообщает Плутарх (*Aristid. 8*)⁶⁴.

Как бы то ни было, на момент решительной схватки между греческим и персидским флотами в проливе между Аттикой и Саламином Аристид уже находился в афинском лагере. Отложив все свои конфликты с Фемистоклом, он выразил готовность служить под его началом (*Plut. Aristid. 8*) и деятельно включился в борьбу с агрессорами. Он принимал участие в Саламинском сражении (*Herod. VIII. 95; Nep. Aristid. 2; Plut. Aristid. 9*); при этом обратим внимание на конкретную форму его действий. Во главе отряда гоплитов он высадился на расположенный в проливе островок Пситгалию, очистил его от персидского гарнизона и сделал греческим плацдармом, а в ходе битвы уничтожал или брал в плен врагов, пытавшихся спастись с тонущих кораблей на этот островок. Аристид, таким образом, и здесь не изменил своим принципам, даже в морском бою действуя на «сухопутный» манер!

⁶¹ В целом об Эллинском союзе см. *Kienast D. Der Hellenenbund von 481 v. Chr. // Chiron. 2003. 23. S. 43–77.*

⁶² О возвращении Аристиде из изгнания говорит, как мы знаем, уже Геродот (*VIII. 79*), но он не отмечает специально, что это возвращение было досрочным.

⁶³ *Editio princeps: Jameson M.H. A Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. 1960. 29. 2. P. 198–223.*

⁶⁴ А в одном, правда, очень позднем источнике (*Suid. s.v. 'Αριστείδης*) сообщается даже, будто бы Ксеркс подсылал к Аристиду своих людей и предлагал ему 3000 дариков за измену, но тот, естественно, гордо отказался. Вряд ли эти сведения заслуживают доверия.

Ближайшие годы после Саламина стали пиком, венцом всей карьеры Аристида. На 479/478 г. до н.э. он был избран стратегом, причем, как мы увидим чуть ниже, рассматривался афинянами не просто как один из рядовых членов этой коллегии, а как самый авторитетный полководец и политик. На некоторое время он стал, без преувеличения, первым лицом в полисе, перед которым отодвинулся на второй план даже недавний победитель персов Фемистокл. Это было связано с рядом конкретных обстоятельств внутривосточного характера, и прежде всего с созданием именно на данном хронологическом отрезке мощной коалиции аристократических родов Афин, направленной против Фемистокла. В нее вошли Алкмеониды, Филаиды и Керики, что было подкреплено и матримониальными узами⁶⁵. Нам уже приходилось несколько лет назад писать об этом альянсе⁶⁶, причем тогда мы отмечали, что к нему был привлечен и Аристид. Ныне такая формулировка уже кажется нам слишком слабой, и мы склонны считать, что не кто иной, как Аристид, стал инициатором заключения аристократического союза.

Ему было легче выступить в этой роли, нежели любому другому афинскому лидеру. Ведь, как отмечалось выше, Аристид очень хорошо умел находить общий язык с самыми разными политиками, которые сами, без его посредничества, вряд ли смогли бы договориться друг с другом. Следы деятельности Аристида по созданию коалиции трех родов, насколько можно судить, видны в важном постановлении афинского народного собрания, на которое ссылается Плутарх (Aristid. 10). В этом постановлении речь идет о направлении посольства в Спарту для координации дальнейших военных действий против персов. Автор псефисмы – Аристид; соответственно предложение о конкретном составе посольства тоже, следует думать, принадлежит ему. Состав же этот был таким: Кимон, Ксантипп и Миронид. Первый возглавлял Филаидов, второй являлся фактическим лидером Алкмеонидов. Что же касается третьего – Миронида, сына Каллия, – то он был фигурой не столь значительного масштаба, соответственно сведений о нем меньше и родовая принадлежность в точности не известна. Но в другом месте мы приводили аргументы в пользу того, что он, скорее всего, происходил из рода Кериков⁶⁷. Иными словами, посольство отразило состав одерживающих верх политических сил, своеобразного «триумвирата родов». Характерно, что Фемистокл в состав послов не вошел, и вообще на этом этапе афинской истории мы о нем ничего не слышим, он как бы ушел в тень.

Конечно, не следует представлять Аристида этаким интриганом, тайно плетущим нити антифемистокловского заговора. Просто он и в данной ситуации оставался человеком принципов, глубоко убежденным в том, что при всех заслугах Фемистокла его деятельность в целом наносит государству большой вред. Поэтому он и считал необходимым сплотить против него как можно больше сил.

⁶⁵ Кимон женился на Исодике из рода Алкмеонидов, а его сестра Эльпиника была выдана замуж за Каллия, сына Гиппоника, из рода Кериков (двоюродного брата Аристида, о котором мы уже упоминали).

⁶⁶ Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 187 сл. (с литературой вопроса).

⁶⁷ Там же. С. 88.

В ходе переговоров в Спарте было достигнуто соглашение о генеральном сражении с Мардоном. В Беотию, избранную местом для битвы, выступила армия Пелопоннесского союза во главе со спартанским регентом Павсанием, который был назначен главнокомандующим силами Эллинского союза. Чуть позже к пелопоннесскому войску присоединились контингенты других союзных полисов. В их числе было и афинское ополчение численностью ок. 8 тысяч человек (очень много, почти столько же, сколько при Марафоне), которое возглавлял Аристид (Herod. IX. 28; Plut. Aristid. 11).

В Платейской битве, как известно, решающий вклад в победу над врагом внес спартанский отряд, а все остальные сыграли по отношению к нему скорее вспомогательную роль. Это и не удивительно уже потому, что спартанцы прислали в Беотию наибольшее количество бойцов. При Платеях впервые в полной мере проявился полководческий талант Павсания. Что же касается Аристида, то даже особенно благоволящий к нему Плутарх не находит возможности рассказать о каких-то его выдающихся подвигах или деяниях в этой битве. Снова оказывается, что Непот, не считающий Аристида крупным мастером военного искусства, в общем-то прав. Заслуги этого политика заключались в ином.

В частности, практически сразу после битвы ему пришлось мирить спартанцев и афинян, поскольку те уже готовы были схватиться друг с другом из-за спора о том, кому надлежит дать награду за храбрость. Аристид уговорил обе стороны отложить свои амбиции и, чтобы ни тем, ни другим не было обидно, присудить приз какому-нибудь третьему городу (Plut. Aristid. 20). В конечном счете выбор пал на маленькие Платеи. Афинянам такой выбор был, надо полагать, приятнее, чем спартанцам. Ведь Платеи уже несколько десятилетий находились с Афинами в отношениях теснейшего союза и дружбы. Они разве что официально не были инкорпорированы в афинский полис⁶⁸. Именно в Платеях по предложению Аристида были учреждены общегреческие регулярные игры Элевтерии в честь освобождения от персидской опасности (Plut. Aristid. 20)⁶⁹. Впрочем, данное празднество впоследствии так и не достигло значения, сколько-нибудь сопоставимого с традиционными панэллинскими играми (Олимпийскими и др.); этому, очевидно, мешала чисто политическая, сиюминутная подоплека его введения.

После 479 г. до н.э. ареной Греко-персидских войн стала в основном акватория Эгейды. Новой целью военных действий со стороны греков стало теперь освобождение от персидского владычества греческих полисов Малой Азии и островов. Греческий флот отвоевывал у персов город за городом, и эти города немедленно включались в борьбу с общим врагом, пополняя ряды антиперсидского союза.

Однако по отношению к новым, начинавшим обозначаться задачам между Афинами и Спартой – сильнейшими государствами Эллады, бесспорными лидерами сопротивления экспансии Ахеменидов – возникли существенные разногласия. Афиняне призывали к продолжению военных действий, к переносу их на территорию противника и в конечном счете к полному вытеснению персов из бассейна Эгейского моря. Спарта, возглавлявшая Эллинский союз, не имела

⁶⁸ Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 109 f.

⁶⁹ О них см. Латышев В.В. Очерк греческих древностей. [Ч. 2]. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 153.

ни сильного флота, позволявшего осуществлять такого рода действия, ни насущной заинтересованности в дальнейшем ведении войны; она была удовлетворена уже тем, что непосредственная опасность миновала. На первых порах спартанцы по инерции еще командовали, даже и на море: так, в 478 г. до н.э. регент Павсаний водил греческий флот в далекую экспедицию – на Кипр⁷⁰. Однако постепенно в Спарте возобладала группировка, настаивавшая на прекращении войны. Эллинский союз дал трещину, между Афинами и Спартой, только что бок о бок отстаивавшими свободу общей родины, возросла напряженность.

Обострению афино-спартанских отношений способствовали еще два конкретных обстоятельства. Оба они имели отношение к Аристиду (одно в меньшей, другое – в особенно большой степени), поэтому на обоих следует остановиться. Во-первых, сразу после изгнания врагов из Греции афиняне форсированно⁷¹ окружили свой город мощными оборонительными стенами. Спарта восприняла эту акцию как жест недружелюбия по своему адресу. Возник дипломатический конфликт, который был не без труда сглажен, но, естественно, в известной мере подорвал доверие между двумя полисами. Главным инициатором строительства стен являлся Фемистокл. Однако источники справедливо отмечают, что Аристид также участвовал и в руководстве работами (Arist. Ath. pol. 23. 4), и в переговорах со спартанцами (Thuc. I. 91. 3). Очевидно, он опять нашел в себе силы ради интересов общего дела отложить личные разногласия.

На втором эпизоде следует остановиться подробнее. Морской кампанией 478 г. до н.э. командовал, как говорилось выше, спартанец Павсаний. Однако сложность его положения заключалась в том, что собственно спартанских кораблей в составе союзного флота почти не было: Спарта оставалась чисто сухопутной державой. Главную же роль во флоте греков играла большая афинская эскадра. Сообщается о двух возглавлявших ее стратегах: Аристиде и Кимоне. Из них, вне сомнения, более видную роль играл первый. Кимон только-только достиг тридцатилетия и впервые в своей жизни занимал столь высокую должность, а более опытный Аристид опекал его на правах старшего товарища. Кстати, обратим внимание на то, что на сей раз Аристид оказался в несколько непривычной для себя роли; это был первый и, кажется, последний раз, когда он командовал не сухопутным контингентом, а отрядом кораблей. Кроме афинской важное место в союзных морских силах, начиная с этого года, занимали эскадры, присланные ионийскими городами малоазиатского побережья и прилегающих островов – теми, которые были освобождены от персов и приняты в Эллинский союз после битвы при Микале. Эти полисы традиционно были сильны на море; они-то и стали «локомотивом» тех чрезвычайно важных событий, о которых сейчас пойдет речь.

В описании этих событий основные античные источники – а среди них авторы самого разного времени (Thuc. I. 95; Arist. Ath. pol. 23–24; Nep. Aristid. 2; Diod. XI. 44 sqq.; Plut. Aristid. 23; Cim. 6) – в основном единодушны; расхождения между ними, если и встречаются, не имеют особенно принципиального характера.

⁷⁰ Датировку этого события и других важнейших событий последнего периода Греко-персидских войн см. в хронологической таблице, приведенной в работе: *Badian, From Plataea...* P. 99–103.

⁷¹ Настолько форсированно, что при возведении стен в качестве материала брали даже надгробные плиты. См. *Bäbler B. Die archaischen attischen Grabstelen in der Themistokleischen Stadtmauer: Grabschändung oder Apotropaion? // Philologus. 2001. 145. 1. S. 3–15.*

Павсаний, возгордившись своими успехами, стал вести себя крайне жестко и высокомерно по отношению к новым ионийским союзникам. Это вызывало их недовольство, и они в конце концов начали отвечать ему прямым неповиновением. Ситуацией воспользовался Аристид, который, напротив, проявлял по отношению к ионийцам демонстративную мягкость и предупредительность. Нет прямых оснований доверять свидетельству Диодора (XI. 44. 5), согласно которому «справедливый» политик будто бы прямо интриговал против Павсания, используя свои личные связи, устраивая в ионийских городах совещания и склоняя их на сторону афинян. Насколько нам представляется, в такого рода закулисных махинациях просто не было нужды. Аристид действовал гораздо более тонко и верно с психологической точки зрения, контрастируя своим корректным поведением с грубым спартанцем.

Наконец ионийские союзники попросту прогнали Павсания и выразили готовность подчиняться только афинским командующим. Спартанские власти, чтобы хоть как-то сохранить лицо в непростой ситуации, повлиять на которую они уже не могли, вынуждены были официально отстранить Павсания от руководства флотом и дезавуировать его действия. Этот инцидент способствовал тому, что в Спарте окончательно восторжествовали изоляционисты, считавшие дальнейшие военные действия против персов бессмысленными. Сильнейшее в военном отношении государство Эллады, являвшееся гегемоном Эллинского союза, полностью самоустранилось, и это не могло не привести к фактическому распаду самого союза (хотя формально он, возможно, не прекращал существования вплоть до конца 460-х годов до н.э.). Как бы то ни было, основная тяжесть борьбы в Эгейде лежала отныне на Афинах и их союзниках-ионийцах. И перед ними вставала необходимость легитимировать свои отношения, что незамедлительно было сделано. Ключевую роль здесь сыграл Аристид.

Именно на 478 г. до н.э. пришлось главное дело жизни этого политического деятеля, его «звездный час». По его инициативе Афины совместно с рядом только что освобожденных полисов (почти исключительно ионийских) создали новый военный союз для продолжения борьбы против Персидской державы. Симмахия, главным условием которой, отраженным в принесенной участниками присяге, было иметь «общих врагов и друзей» (τὸν αὐτὸν ἔχθρὸν εἶναι καὶ φίλον – Arist. Ath. pol. 23. 5), учреждалась «на вечные времена», как говорилось в союзном договоре. Так появился на свет Делосский союз, которому была суждена большая будущность и исключительное значение для дальнейшей истории Эллады.

Уже с самого начала существования альянса его участники, которые не могли или не желали предоставлять воинские контингенты, вносили форо́с в общую казну на Делосе. Подчеркнем: на данном этапе истории союза форо́с никому не навязывался силой. Напротив, для многих полисов, особенно мелких, внесение этой подати представлялось более легким делом, и они были вполне удовлетворены сложившейся системой. К тому же Аристид, возглавлявший с афинской стороны переговоры о создании Делосского союза и приносивший присягу от лица Афин, установил, по общему мнению современников, весьма умеренные ставки форо́са, за что его немало восхваляет традиция. Общая сумма ежегодных взносов составляла 460 талантов серебром, и эта цифра продержалась неизменной на протяжении нескольких десятилетий. Афинская гегемониальная симмахия не стала еще в то время той машиной грубого подавления и эксплуатации союзников, в какую она превратилась

впоследствии. И Аристид вряд ли мог предвидеть, что так когда-либо произойдет⁷².

* * *

С чувством выполненного долга возвратился Аристид в родной город. После 478 г. до н.э. он, насколько можно судить, отошел от активной политической деятельности. Он, видимо, добровольно «ушел на покой», считая, что сделал для полиса все, что мог (в частности оставил руководство Делосским союзом в надежных руках Кимона), а не подвергся какой-либо опале: об этом ничего неизвестно. Похоже, Аристид стал одним из очень немногих афинских политиков, последние годы которых не были омрачены немилостью демоса⁷³.

В этом отношении ему повезло больше, чем Фемистоклу, который на рубеже 470-х–460-х годов до н.э. пострадал очень сильно, будучи подвергнут вначале остракизму, а затем даже заочному смертному приговору. Судя по всему, к описываемому моменту Аристид уже откололся от «антифемистокловской» коалиции аристократов, в создании которой сам же принимал участие. Как пишет Плутарх, «Аристид забыл старые обиды и, в то время как Алкмеон, Кимон и многие иные наперебой изобличали Фемистокла, один лишь Аристид не сделал и не сказал ничего ему во вред; он не радовался несчастью врага, как прежде не завидовал его благоденствию» (Aristid. 25).

П. Бикнелл⁷⁴ считает, что Аристид на этом этапе не был так враждебно настроен по отношению к Фемистоклу, как Алкмеониды и Филаиды, поскольку имел с ним матримониальные связи. О наличии таких связей можно говорить не с уверенностью, а лишь с некоторой степенью вероятности, опираясь на косвенные данные. Известно, что первой женой Фемистокла была некая Архиппа, дочь Лисандра, из Алопеки (Plut. Them. 32). Ее-то Бикнелл и считает родственницей Аристида, опираясь, во-первых, на совпадение демотика, во-вторых, на наличие одного и того же корня λυβ- в именах Лисандра и Лисимаха (отца Аристида), что действительно может (хотя и не обязательно должно) свидетельствовать об их родстве. Даже если признать за аргументацией Бикнелла извест-

⁷² Интересно, что впоследствии, после перерождения Делосского союза в худшую сторону, стали, судя по всему, раздаваться упреки и по адресу его основателя – Аристида. Эта линия не стала в традиции преобладающей (напротив, в большей части источников мы встречаем противопоставление справедливого Аристида жестоким и беспринципным политикам следующих периодов), но она заметна, например, в следующем суждении периегета Павсания (VIII. 52. 2): «Аристид потерял право на это название (благодетеля Эллады. – И.С.) за то, что он наложил подати на эллинов, живших на островах; до Аристида все эллины были свободны от каких бы то ни было податей» (пер. С.П. Кондратьева). Интересно, что это суждение (демонстрирующее, кстати говоря, полное непонимание ситуации на момент создания Делосского союза) является, пожалуй, едва ли не единственным негативным высказыванием об Аристиде в текстах античных авторов. Ср. с прямо противоположной оценкой современника, причем островитянина – Тимокреонта Родосского (цитировано в начале статьи).

⁷³ Плутарх (Aristid. 26) резонно опровергает недостоверное сообщение историка Кратера (FGH Hist. 342. F 12), согласно которому Аристид будто бы попал под суд по обвинению во взяточничестве, был приговорен к крупному штрафу и, не имея средств уплатить его, покинул Афины, после чего умер «где-то в Ионии». Это изолированное свидетельство не находит подтверждения нигде в аутентичной традиции и было позаимствовано Кратером, судя по всему, из какого-то тенденциозного памфлета антидемократической направленности.

⁷⁴ Bicknell. Athenian Politics... P. 160.

ную силу, она все-таки мало что объясняет. Если Аристид и Фемистокл находились в отношениях свойства в 470-х годах до н.э., то точно так же было и в 480-е годы (Архиппа, напомним, была первой женой Фемистокла), однако это не мешало им в ту пору быть непримиримыми противниками. Да и вообще едва ли не все знатные афинские семьи за века жизни «бок о бок» успели многократно породниться между собой, но это отнюдь не означает, что между ними всегда наблюдалась теплая дружба и никогда не возникало конфликтов. Скорее наоборот: матримониальные связи Филаидов и Алкмеонидов, например, нисколько не мешали острой борьбе между Периклом и Кимоном⁷⁵.

Смягчение позиции Аристида по отношению к Фемистоклу, думается нам, следует трактовать иначе. Аристид по этическим причинам не желал «добивать» поверженного противника, вести атаки на него вплоть до полного уничтожения. Ведь основная задача к тому времени уже была выполнена: Фемистокл безвозвратно утратил былое влияние и не мог уже претендовать на роль лидера государства. Дальнейшая его «травля» вряд ли могла быть симпатичной политике, слывшему воплощением справедливости.

Когда скончался Аристид? Плутарх (Aristid. 26) не приводит по этому вопросу каких-либо точных сведений, ограничиваясь передачей нескольких противоречащих друг другу версий о его смерти. С другой стороны, Непот (Aristid. 3) в данном отношении более информативен, указывая, что Аристид умер «примерно на пятом году после изгнания Фемистокла из Афин». Остракизм Фемистокла с наибольшей вероятностью имел место весной 470 г. до н.э.⁷⁶ Следовательно, смерть Аристида нужно отнести к 466 г. до н.э. (кстати, Фемистокл, находясь в изгнании, пережил своего соперника).

Незадолго до смерти Аристида произошел, может быть, частный, но характерный случай, продемонстрировавший то уважение, которое цитали к нему сограждане (Plut. Aristid. 3). В 467 г. до н.э. Эсхил представил на суд публики свою трагедию «Семеро против Фив». Она была, как и любое другое произведение афинского театра V в. до н.э., глубоко проникнута актуальной политической проблематикой, насыщена аллюзиями на конкретные события общественной жизни (естественно, претворенные в мифологические образы)⁷⁷. Именно так – зачастую даже на персональном уровне – трагедия воспринималась и зрителями.

⁷⁵ Ср. Cox C.A. Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens // CJ. 1989. 85. 1. P. 34 ff.

⁷⁶ Cary M. When was Themistocles Ostracised? // CR. 1922. 36. 7/8. P. 162; Carcopino J. L'ostracisme athénien. 2 ed. P., 1935. P. 111; Prestel. Op. cit. S. 31; Forrest. Op. cit. P. 239; Bayer E., Heideking J. Die Chronologie des perikleischen Zeitalters. Darmstadt, 1975. S. 110; Barrett J.F. The Downfall of Themistocles // GRBS. 1977. 18. 4. P. 305; Schumacher L. Themistokles und Pausanias: Die Katastrophe der Sieger // Gymnasium. 1987. 94. S. 240; Badian. From Plataea... P. 88; Brenne S. Thukydides 1, 135, 2–3 (ca. 431–395 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles (470 v. Chr.) // OT. S. 249; Гинзбург С.И. Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н.э. // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 33.

⁷⁷ О политической подоплеке трагедии «Семеро против Фив» (в основном направленной на поддержку Перикла) см. Суриков И.Е. Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // Античный вестник. Омск, 1999. Вып. 4–5. С. 190. В целом о политическом контексте творчества Эсхила: Podlecki A.J. The Political Background of Aeschylean Tragedy. Ann Arbor, 1966; Суриков И.Е. Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1. С. 15–24. О политическом значении всего жанра аттической трагедии: Meier Chr. Die politische Kunst der griechischen Tragödie. Dresden, 1988; Родс П.Дж. Афинский театр в политическом контексте // ВДИ. 2004. № 2. С. 33–55.

Одним из персонажей драмы, о которой идет речь, являлся Амфиарай, представленный автором в исключительно позитивных тонах, как «рыцарь без страха и упрека». Когда со сцены прозвучала характеристика Амфиарая:

Он справедливым (δίκαιος) быть желает, а не слыть.

С глубокой борозды ума снимает он

Советов добрых жажду,

«все взоры, – как пишет Плутарх, – обратились к Аристиду, который, как никто другой, приблизился к этому образцу добродетели». Следует полагать, что такую реакцию предвидел сам драматург, вводя, таким образом, в свою трагедию сознательную реминисценцию⁷⁸.

И мы тоже, завершая статью, закономерно выходим на проблему общей оценки личности и деятельности Аристида. Выше неоднократно говорилось о том, что этот государственный деятель был всегда готов к конструктивному диалогу и сотрудничеству с любым другим политиком, даже из лагеря своих противников, что он почти никогда не считал зазорным для себя переменить собственную точку зрения, если убеждался в правоте иного взгляда на вещи. В данной связи может сложиться впечатление, что Аристид был каким-то «политическим флюгером», не имевшим собственной группировки и примыкавшим по обстоятельствам то к той, то к другой. Но это впечатление будет совершенно неверным, полярно противоположным по отношению к мнениям античных авторов. Вот, например, одно из высказываний об Аристиде, принадлежащих Плутарху (Aristid. 3): «Его твердость (εὐσθένεια) кажется особенно удивительной по сравнению с непостоянством других государственных деятелей». Получается, что именно Аристид воспринимался как образец постоянства в политике, в отличие от всех его партнеров и конкурентов. Подчеркнем еще раз: только в тех случаях солидаризировался он с кем-либо (не боясь при этом оставить прежних союзников), когда это соответствовало его принципиальным убеждениям.

Перед нами прошла редкая по цельности и какому-то внутреннему свету жизнь. Скептик может сказать, что мы идеализируем Аристида, создаем ему панегирик, что таких героев, – практически не имеющих недостатков, руководствующихся в своей политической деятельности всецело этическими установками и ни на шаг не отступающих от принципов, – в реальной жизни просто не бывает. Но что же поделать, если из источников Аристид предстает именно таким? Мы не имели ни малейшего намерения «улучшать» его образ (собственно, делать это нет ни нужды, ни возможности), но не видим никакого смысла также и в том, чтобы искусственно «ухудшать» его, выискивать без опоры на источни-

⁷⁸ Ср. *Seltman C.T.* Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Camb., 1924. P. 19. Сложность, правда, заключается в том, что в сохранившихся манускриптах Эсхила на данном месте стоит не δίκαιος («справедливый»), как цитирует Плутарх, а βριστος («наилучший, самый доблестный»); в остальном текстуальных расхождений нет. Не очень понятно, с чем мы здесь имеем дело. Либо Плутарх пользовался какой-то иной (более древней и, стало быть, более аутентичной) рукописной традицией, а не той, которая дошла до нас; либо он сознательно искажил строку Эсхила, чтобы оттенить именно справедливость Аристида. Первый вариант ответа на вопрос представляется нам более вероятным. Известны параллели, когда античные авторы цитируют произведения своих предшественников не вполне в той форме, в какой эти произведения известны нам. Наиболее хрестоматийный пример: Аристотель (Rhet. 1409a28) пользовался такой рукописью труда Геродота, которая начиналась словами «Геродота фурийца...», а существующие ныне манускрипты дают в этом месте «Геродота галикарнасца...». Но даже если у Эсхила действительно стояло βριστος, все равно показательно, что зрители в театре тут же распознали направленность реминисценции.

ковый материал скрытые пороки, показывать, что он всего лишь умело притворялся «справедливым», а в действительности был таким же циником, как и остальные... Это означало бы погрешить против фактов.

В настоящее время решительно преобладает точка зрения, согласно которой в политике неуместны моральные нормы, что это та сфера, где властвует только одно – грубая борьба интересов, будь она неприкрытой или замаскированной под высокие ценности. Наверное, как правило, так оно и есть, и так же обстояли дела в античном мире. Но, к счастью, из всякого правила есть свои исключения. Об одном из таких редких исключений шла речь в данной работе; их главное значение заключается в том, что они напоминают нам об идеале.

ARISTEIDES «THE JUST»: A POLITICIAN BEYOND FACTIONS

I. Ye. Surikov

The article deals with political activities of Aristeides, son of Lysimachos, who was one of the most prominent statesmen of Early Classical Athens. The narrative tradition steadily characterizes Aristeides as «the Just» (δικαιος); he and only he of all Greek politicians always has such an epithet in the sources. The author tries to demonstrate that, notwithstanding all sharpness of internal political struggle, Aristeides was in a unique position of a «politician beyond factions». His style of political behaviour presupposed a possibility of constructive co-operation with any other leader, but only in cases when, as he thought, such co-operation could be useful for the polis. Aristeides always put common interests of the State above any personal or group interest. It was this very feature that was highly unusual under the conditions of Greek competitive mentality with a strict opposition between «we» and «others». For Aristeides there were no «others» in the native polis; all citizens fell into the category of «we». He practiced that approach from the time of Marathon to the end of his political career, and this kind of impartiality won him admiration of his contemporaries and extremely high reputation in the generations to come.